

**СОВРЕМЕННАЯ
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА
ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ: СОСТОЯНИЕ И ВЫЗОВЫ**
Двадцать шестые Губернаторские чтения
Тюмень, 12 октября 2016 г.

**Тюменская областная научная библиотека им. Д.И.Менделеева,
филиал Президентской библиотеки им. Б.Н.Ельцина**

Лектор — президент Союза архитекторов России, академик Российской академии архитектуры и строительных наук **А.В.Боков**.

Ключевые слова: пространственно-территориальное развитие, градостроительная политика, Тюменская область

**Губернатор
Тюменской
области
В.В.Якушев**

Уважаемые коллеги! Каждые «Губернаторские чтения» — а сегодня мы встречаемся в этом формате уже в двадцать шестой раз — предлагают нам новый ракурс, новый взгляд на проблемы современного мира. Иногда этот взгляд глобален. Иногда он касается той или иной специальной проблематики. Но в фокусе нашего внимания неизменно остается Тюменская область, ее настоящее и будущее.

Все, что мы слышим и обсуждаем в ходе Чтений, мы примеряем к себе и соотносим с нашими делами и мечтами. Просто потому, что мы — здешние. Потому что это наша земля, наша территория. Кто-то здесь родился и вырос, кто-то выбрал Тюмень сознательно — в любом случае жизнь и судьба собрали нас тут. И возложили на нас ответственность за обустройство этого края.

Конечно, мы верим в то, что Тюмень — лучшее место в мире. Потому что мы любим Тюмень. Но мы помним, что «вера без дел мертва». А сделать предстоит еще очень многое. Надо создать совершенно новые условия для полноценной, счастливой, комфортной жизни всех тюменцев.

Наш сегодняшний гость — возможно, лучший советчик в этом непростом деле. Андрей Владимирович Боков — доктор архитектуры, президент Союза архитекторов России, автор множества уникальных проектов. Но главное, что Андрей Владимирович — архитектор в высшем значении этого слова. Ведь настоящий архитектор — не тот, кто умеет возвести отдельное здание или постройку. Настоящий архитектор знает, как создавать и преображать само пространство, среду человеческой

жизни — и тем самым менять эту жизнь к лучшему. Выслушаем лектора — и постараемся применить его советы к нашим реалиям.

Как всегда, свое приглашение к дискуссии сделает модератор Чте-ний Святослав Игоревич Каспэ.

**Главный редактор
журнала «Полития»,
профессор Высшей
школы экономики
С.И.Каспэ**

Казалось бы, при чем тут политика? А ведь сегодняшняя тема имеет к политике не просто прямое отношение, но, может быть, отношение самое глубокое из всех тем, которые мы обсуждали в ходе «Губернаторских чтений». Ведь даже слово «политика» происходит от греческого «полис» — то есть город. Именно Город, как заметил французский философ Пьер Манан, есть «отправной пункт всякого политического размышления, точка отсчета, к которой надо постоянно возвращаться». Потому что Город представляет собой «основополагающий опыт, раскрытие того, что люди могут и должны делать, чтобы достичь справедливости и счастья». Между прочим, и слово «гражданин» в европейских языках, в том числе в русском, однокоренное со словом «город», оно производно от него. Гражданин — это тот, кто умеет жить в городе. Собственно, и политика, по одному мудрому определению, есть искусство жить в городе. Не только управлять городом, но и просто жить в нем, на виду у равных себе, у себе подобных (хотя и разных, и непохожих), находясь с ними в постоянном общении. Причем я имею в виду не только город в узком смысле, как тип поселения, — все современные государства, все современные региональные сообщества в политическом плане функционируют как увеличенные, расширенные города. Просто потому, что они состоят из граждан.

Теперь я процитирую одну докторскую диссертацию, которая потом стала книгой. Архитектура представляет собой «существование миропорядков и стилей», причем «в этом массиве индивидуальных миров утверждаются механизмы саморегулирования и самоконтроля, предотвращающие хаос». Думаю, Андрей Владимирович узнал цитату. Это его диссертация 1995 г., которая называется «Геометрические основания архитектуры в картине мира». Создание «механизмов саморегулирования и самоконтроля, предотвращающих хаос» — разве не в этом цель и смысл всякой разумной политики? Еще одна цитата: «Город — пространство компромиссов». Разве не таким пространством должна быть ответственная политика?

Совершенство (или уродуя) наши города, мы совершенствуем (или уродуем) наших граждан. Совершенство (или уродуя) наших граждан, мы совершенствуем (или уродуем) наши города. Как совершенствовать, а не уродовать то и другое — вот предмет сегодняшней лекции и сегодняшней дискуссии.

А.В.Боков

Благодарю Вас, господин губернатор, и Вас, Святослав Игоревич, за столь комплиментарное представление. Постараюсь оправдать ваши ожидания. Для меня выступление и участие в мероприятиях подобного

рода — вещь достаточно непривычная. До начала 90-х годов я занимался научными изысканиями. Я закончил аспирантуру Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры, где были собраны удивительные люди — Вячеслав Глазычев, Алексей Гутнов и некоторые другие. Именно их заслугой является формирование совершенно особенного понимания профессии архитектора. Свои книги я написал именно в тот период, когда у нас было очень мало работы. Но как только в Москве началось достаточно активное строительство, я стал заниматься практическим проектированием и в итоге посвятил этому делу последние 25 лет. Однако, завершив свою деятельность в роли директора большого проектного института и оглядевшись по сторонам, я испытал, по выражению покойного Славы Глазычева, ощущение одичания: что-то произошло в сознании профессионального сообщества, в умах многих людей, принимающих решения. Эту перемену трудно объяснить. Изменения коснулись даже самых фундаментальных вещей. Я понял, например, что люди, ответственные за принятие решений и занимающиеся планированием городского развития, не знают даже, что такое микрорайон, в чем его смысл, что он собой представляет и как он встроен в систему градостроительного регулирования. Они не знают также, что такое сталинский «укрупненный квартал», который был главным инструментом послевоенного восстановления городов... Список можно продолжить. Такие пробелы в знаниях отнюдь не безобидны, как может показаться на первый взгляд. За этим стоит не только разрыв некоей традиции, связанной прежде всего с системой образования, но и утрата самых базовых целей и ценностей нашей профессии. Следствием этого является неспособность дать внятный ответ на вопросы: для чего мы все это делаем? во имя чего строятся города? что в деятельности архитектора является приоритетным? Здесь существуют два варианта ответа: либо мы говорим об отношении к человеку, о формировании и развитии человеческого капитала, либо делаем акцент на создании благоприятных условий для наращивания производственных мощностей, развития информационных технологий и банковского капитала. До сих пор мы (я имею в виду представителей нашей профессии) не можем определиться с выбором. При этом окружающий мир давно на эти вопросы ответил, заняв четкую позицию в ценностной системе координат. Ведь за целями и ценностями стоит то, что называется видением, — картина того, как должен выглядеть достойный город. Подобная картина всегда присутствует в сознании архитектора, ее можно назвать «картиной мира». В годы советской власти она была сформулирована внятно и однозначно; сегодня же она снова выглядит неопределенно. Об этой неопределенности и о путях ее преодоления я бы и хотел поговорить.

Сегодня очень популярным стало слово «урбанизм». В центре внимания часто оказывается сам город. Однако так было не всегда. Удивительным временем были 1970—1980-е годы, когда все прочнее утверждалась социология, когда мы начинали заниматься экономикой

города, несмотря на наличие весьма серьезных ограничений. Тогда параллельно с очевидно утопическими проектами и достаточно жесткими установками, на основании которых формировались наши города, возникли представления о среде как о саморегулируемой системе, концептуализировалось понятие культурного ландшафта. Более всего нас волновали не собственно города, а система расселения, пространство. Это, по существу, было продолжением российской имперской традиции, согласно которой государство всегда выступало в качестве главного субъекта формирования всего подконтрольного ему пространства. И государство выполняло эту функцию достаточно успешно на протяжении практически трех сотен лет. Это был особый взгляд на мир и на национальное пространство; взгляд, не исключаящий ни одного квадратного метра из той системы ценностей, в рамках которой города являются лишь одним из компонентов обширного мира. Сегодня этот мир в представлении многих людей оказался значительно редуцирован. Современная государственная градостроительная политика не имеет опоры на четко сформулированные цели и ценности. Она склонна сосредотачивать свое внимание на ограниченном количестве (10, 20 или 30) крупных городов. Мир в представлении тех людей, которые во многом определяют нашу с вами жизнь, выглядит очень ограниченным.

Как же обстоят дела у наших ближайших конкурентов, у наших соседей? Основные европейские города связаны развитыми сетями коммуникаций: это рельсовые магистрали длиной приблизительно 200—300 км. И подобные сети постоянно совершенствуются. Последний крупный проект — Осло-Гельсингфорс-Копенгаген, который охватывает зону проживания почти 8 млн человек. Другой пример — Китай, где сооружаются скоростные рельсовые и автомагистрали. Принципиально важно, что речь идет о магистралях безостановочного движения. В результате формируется не просто коммуникационный каркас страны, но принципиально иной образ жизни, открываются новые возможности, складываются экономические отношения, возникает иной взгляд на ландшафт. Иными словами, формируется единое культурное пространство.

В чем же смысл этих сетевых образований и в чем отличие сетевых образований от упомянутого представления о нашей стране как о совокупности неких городов — островов в океане? Отличие заключается в том, что сеть состоит из двух компонентов: это очаг и линейные образования. Они не могут существовать порознь, и каждое из этих образований в равной мере необходимо для формирования нормальной ткани расселения и обитаемого пространства. У городского центра, где наблюдается концентрация материала и энергии, имеется противоположный полюс, периферия. Этот полюс не фиксирован, он носит диффузный характер. Его можно назвать природным пространством или как-то иначе. Такие полюса с трудом поддаются определению, но очевидно, что они составляют необходимую оппозицию обитаемому миру. И пока мы не поймем, что большие города-«точки» существуют лишь благодаря

наличию другого полюса, нам трудно будет двигаться дальше. В странах Евросоюза и в Китае подобное понимание давно стало нормой. Там вовремя осознали, что не только большие города, не только информационные технологии, не только банковский капитал, не только места концентрации 70% ВВП определяют обитаемое пространство, уровень нашей жизни и дальнейшие перспективы, но и та реальность, в контексте которой они существуют. В качестве примера можно привести пространство от Москвы до Санкт-Петербурга — один из самых развитых коридоров, очень хорошо структурированный. Необходимо отчетливо понимать, что без подобных коридоров нормальное существование и взаимодействие этих мегаполисов — Москвы и Санкт-Петербурга — едва ли возможно. Но больше таких коридоров у нас практически нет.

Другая странность нашей жизни заключается в том, что российский город оказался поделен на две плохо сообщающиеся части: историческую, охраняемую и защищенную, и «современную», неохраняемую и незащищенную. В исторической части города действуют свои законы — например, федеральный закон № 73. Это сфера влияния Министерства культуры, здесь имеется своя администрация и свое профессиональное сообщество, сообщество реставраторов, условия деятельности которых принципиально отличаются от тех, в которых находятся архитекторы, работающие в «современном» городском пространстве. Реставраторы по-другому квалифицируются, они получают государственные лицензии на право заниматься своей деятельностью. Любое строительство в такой зоне (скажем, в центре Москвы) фактически запрещено. Рядом же существует другое пространство, где допускается практически все. Но удивительно не только это. Удивительно, что контраст между двумя частями города постоянно нарастает. И в итоге мы встаем перед вопросом, что же для нас более естественно и ценно — исторический город, облик которого мы стремимся сохранить, или город «современный».

Наши города, в отличие от абсолютного большинства городов современного мира, в течение всего XX столетия формировались под воздействием трех абсолютно отвлеченных утопических моделей, трех представлений о правильной жизни, каждое из которых полностью порывало с предшествующей традицией.

Примерно до середины 30-х годов это была «левая» утопия, лейтмотивом которой являлось представление о «новом» городе, который должен прийти на смену городу «старому». Примеры таких городов, ориентированных на формирование человека нового типа, — Новокузнецк и Магнитогорск. Ключевые слова для этой утопии — новый мир, новый быт, дом-коммуна. Впрочем, этот период не оставил серьезного следа. Более того, люди, которые работали в этой системе ценностей, были профессионалами, получившими образование еще в дореволюционное время, и они стремились избежать разрушения старого города. Если вы посмотрите на конструктивистские постройки, то заметите, что они вовсе не разрушают городскую ткань, они выглядят достаточно

органично. Есть все основания считать подобную архитектуру высоко-профессиональной.

«Сталинский» период затрагивает и предвоенные годы, но в основном приходится на послевоенную эпоху. К этому периоду у меня особое отношение. Мы часто забываем, что после войны нашим народом был совершен не менее значимый подвиг — это восстановление разрушенной страны. Европейская часть России лежала в руинах, и практически за шесть лет такие города, как Минск, Севастополь, Смоленск и Сталинград, были восстановлены. Причем страна сумела это сделать без иностранной помощи и инвестиций. И это была очень качественная архитектура. Но принадлежала она скорее XIX в. Мы вернулись к той градостроительной культуре, против которой выступали создатели первой утопии.

С приходом Хрущева наступил период *третьей утопии*, провозвестники которой пытались полностью стереть все следы предшествующей эпохи. В центре внимания оказался многоквартирный дом. О доминировании этого типа дома в наших городах нужно говорить отдельно. Именно он был избран в качестве универсального «пожарного» инструмента решения жилищной проблемы, в качестве эталона жилого пространства. Зародился данный тип дома не в России. Он был разработан в Германии, в сфере социального жилья, которую левые немецкие муниципалитеты стали усиленно развивать еще в период Веймарской республики. Первые прототипы такого квартирного односемейного жилья возникли еще раньше, до Первой мировой войны. В СССР «строчная застройка» впервые появилась в Новокузнецке и Магнитогорске на рубеже 20—30-х годов и возобновилась уже в 50—60-е годы.

Но я хотел бы обратить внимание на опыт второго этапа. После войны речь шла прежде всего об индивидуальных домах, которые начали строить уже с 1944 г., когда военная промышленность стала медленно переходить на гражданские рельсы и оборонным заводам — крупнейшим предприятиям страны — было вменено в обязанность, помимо прочего, создание индустрии индивидуального домостроения. Эта тенденция сохранялась вплоть до фултоновской речи Черчилля, после которой предприятия снова были переориентированы на производство вооружений.

Таким образом, именно в 50-е годы мы получили удивительное смешение говардовского «города-сада» с моделью многоэтажного (пусть поначалу всего лишь пятиэтажного) дома. Идея «города-сада» была чрезвычайно популярна в дореволюционной России: это должен был быть город, утопающий в зелени, с окруженными деревьями индивидуальными домами, высота которых не превышает высоту деревьев. Тем более неожиданным выглядит сочетание этих представлений с концепцией многоквартирного дома. Вещи, казалось бы, прямо противоположные по своей природе были объединены в странный гибрид под названием «микрорайон». Этот гибрид в конечном счете определил (и продолжает определять) характер обитаемого национального

ландшафта. Мы до сих пор не можем выйти из тисков этих странных представлений, до сих пор продолжаем плодить эти дома, стоящие абсолютно обособленно, не формирующие ни улиц, ни дворов, ни какой-либо естественной ткани города. В основе этих представлений лежит идея гомогенного городского пространства, в рамках которого все жители теоретически должны находиться в равных условиях. На практике же, как мы понимаем, формальное равенство порождает существенное неравенство.

Теперь я хотел бы обратиться к тому, что мы имели до возникновения перечисленных мной утопий, что сложилось до революции и просуществовало до середины 1920-х годов.

Это была страна фантастической красоты, которая до сих пор вызывает во мне восторг, и когда приезжаешь в чудом сохранившиеся города того времени, чувствуешь одновременно восхищение и боль. Я глубоко убежден, что эти города современны по существу. Если говорить о «зеленом» строительстве, об экологической ответственности, об устойчивости поселения и каждого из его компонентов, то нельзя не признать, что такие города были наделены именно этими особенностями. Россия существенно отличалась и от Европы, и от Востока. Здесь сложился особенный тип поселения, свой образ жизни, который сочетал городскую и сельскую культуру. Сельская, загородная культура, культура малых городов — то, к чему нас учили относиться с пренебрежением, — на самом деле всегда была основой нашего пространства и наших представлений о нем. Именно в малых городах были воспитаны лучшие поэты, инженеры, военные, купцы и промышленники. Посмотрите биографию любого крупного российского чиновника или поэта, и вы увидите, что почти все они родились не в Петербурге, а в малых городах, что они получили почти усадебное образование. Именно после муниципальной реформы, которая началась в конце XIX в., когда возникли земства, когда стала формироваться культура малых населенных мест, сложились уникальные возможности для появления особого слоя ответственных людей.

Путь к капитализации городского пространства лежит через правильную политику, проводить которую в состоянии только государственная власть. Устранение власти от этой политики абсолютно недопустимо. В России я нахожу, пожалуй, только один пример действительно успешной капитализации пространства — это маленький город Суздаль. Он стал предметом особого внимания властей. Там оказалось достаточно сделать немного — обеспечить минимальный уровень благоустройства и прекратить строить уродливые дома. В итоге начиная с 1990-х годов городским властям удалось добиться повышения стоимости квадратного метра примерно в 100 раз!

Наконец, есть еще одна история. Мы, казалось бы, получили сегодня два инструмента, которые должны обеспечивать контроль над совершенствованием города, над развитием городской ткани. Это Генеральный план и Правила землепользования и застройки (ПЗЗ).

Проблема заключается в том, что то, что хорошо в Америке, не всегда работает у нас. Главное, что можно вменить в вину людям, которые реализовывали данные принципы на нашей почве, — это полная неспособность оценить последствия принятия тех или иных решений. Во-первых, указанные документы в Российской Федерации не имеют той силы закона, которой они обладают в странах, с которых мы пытаемся взять пример. Во-вторых, оставляет желать лучшего степень разработанности многих аспектов этой документации, будь то процедура экспертизы или методическое обеспечение.

Вместе с тем само по себе сочетание генерального плана и зонирования — ход абсолютно правильный. Без принятия таких документов город просто не может развиваться. Генеральный план был и остается документом стратегического планирования. Уже введение в обиход термина «стратегическое планирование» есть великое достижение, которое выгодно отличает наше время от того, что мы имели 10 или 15 лет назад. Сегодня мы не только наблюдаем возвращение городской и пространственно-территориальной тематики в общественно-политический дискурс, но и осознаем необходимость стратегического планирования. Генеральный план — это коммуникационный каркас, значимость которого, к моему глубочайшему сожалению, до сих пор многими недооценивается. Как генеральный план связан с районированием? Районирование суть коммуникации и границы, которые формируют обитаемое пространство. А коммуникации и границы, в свою очередь, лежат в основе генерального плана. Разумеется, он не сводится только к ним, но включает в себя еще и локализацию центров, нахождение баланса зеленых и застроенных территорий и многое другое. Иными словами, речь идет о наборе базовых стратегических принципов. Более того, генеральный план — это тот документ, на основании которого город способен осуществлять поистине революционные скачки в своем развитии. В качестве негативного примера можно привести опыт Шанхая, где нормой является строительство дорог прямо над жилыми домами. Если долгое время не заниматься созданием транспортного каркаса, то в какой-то момент подобные меры окажутся неизбежными. Залог создания эффективного транспортного каркаса — разделение магистралей и улиц. Мы должны усвоить простое правило: система безостановочного магистрального движения и основная система рельсового и автомобильного транспорта должны быть абсолютно автономны, пересекаясь исключительно в особых местах. Пока мы этого не поймем, мы будем сталкиваться с проблемой пробок и в итоге будем вынуждены ликвидировать угрозу коллапса транспортной системы радикальным образом, как в Шанхае.

Создав обновленный коммуникационный каркас, главными элементами которого выступают магистрали безостановочного движения и современный рельсовый транспорт, мы должны дополнить узлы пересечения транспортных систем развитой сетью пешеходных путей. Здесь примером для нас могут послужить Монреаль, Сингапур, Токио

и Нью-Йорк, где городской центр обеспечен очень комфортабельными и безопасными пешеходными путями, представляющими собой узлы активности и максимального напряжения. Без этих узлов большой город просто не может существовать. Кстати, необходимо отметить, что сегодня мы наблюдаем процесс так называемой «поляризации материала». С одной стороны, мы имеем огромную концентрацию материала в центрах и подцентрах. (Некоторые называют подобную модель моделью «колокола». Образцовым примером ее реализации является Токио, где в 1970-е годы были созданы огромные подцентры, в частности Сибуя, которые вступили в конкуренцию с основным историческим центром.) С другой стороны, формируются обширные жилые пространства в пригороде — в той зоне, которая лежит, условно говоря, между центрами и природой. Именно пригород сегодня становится тем местом, где решается судьба города.

В 70-е годы прошлого столетия многие крупные города подверглись радикальным преобразованиям. В Нью-Йорке, к примеру, были сооружены большие транспортные коридоры вдоль Гудзона и Ист-Ривер с безостановочным выходом в пригородную зону, в Париже — кольцевая дорога, так называемый «Периферик», позволивший создать систему скоростного транспорта, которая проходит через центральную часть Парижа и обеспечивает чрезвычайно эффективную доставку людей из одного конца города в другой. Эта общемировая тенденция нашла свое отражение и в Генплане 1971 г., в котором предлагалось сходным образом устроить Москву, а за ней — и другие крупные советские города. Я глубоко сожалею о той негативной оценке, которая часто звучит в отношении этого Генплана и исходит преимущественно от тех, кто просто не понимает существа того, о чем я говорю, а также причин, по которым одни города становятся успешными, а другие отстают. Если бы Генплан был реализован, в Москве возникла бы система скоростного транспорта, так называемые хорды, открывавшие восемь выходов из города. Это повлекло бы за собой переход от радиально-кольцевой к прямоугольной транспортной сети, гораздо более эффективной. Там же была предусмотрена организация системы непрерывных зеленых или водно-зеленых пространств, в чем город действительно сильно нуждался. Предполагалось также сформировать несколько достаточно автономных подцентров, что позволило бы разгрузить центр.

Однако в итоге возобладало странное гибридное отношение к формированию городского пространства, о котором я говорил ранее. Следствием этого становится ситуация, которую мы наблюдаем в Москве сегодня, когда пространство, казалось бы само собой предназначенное для малоэтажного строительства, а значит — для другого образа жизни, вдруг заполняется сомнительными сооружениями. Полное отсутствие координации между политикой области и политикой города приводит к тому, что вокруг Москвы сейчас складывается еще порядка четырех городов, под миллион населения в каждом. Ведется абсолютно неконтролируемое строительство, возводятся многоэтажки

по 12—15 этажей, которые представляют собой самый неэффективный, самый невыгодный во всех отношениях тип дома. Об этом можно сказать чуть подробнее. Почему такие дома не строятся уже нигде, кроме как у нас? Ведь это же удивительно. Из 84 млн м² жилья, которые мы построили в 2015 г., 43 млн м² приходится на квартиры на этажах и 41 млн м² — на индивидуальное жилищное строительство. В подавляющем большинстве случаев такое строительство ведется практически кустарно, без поддержки властей (в этом отношении Тюменская область — исключение). То есть речь идет о гигантских объемах самодельного, не всегда качественного, но упрямого строительства. Тем самым люди отчетливо говорят, что хотят жить именно так. Во-первых, эти дома дешевле: стоимость квадратного метра в квартире порой сопоставима со стоимостью всего дома. Во-вторых, сегодня происходит формирование среднего класса. А представитель среднего класса предпочитает жить в своем собственном доме, это непреложная истина. Ощущение нехватки создаваемого своими руками окружения компенсируется через институт дачного строительства. Это — проявление нашего стремления жить на земле, и с каждым поколением это естественное желание к нам возвращается. Это образ жизни, к которому привыкли многие поколения наших предков и отказываться от которого нам нельзя. Наши дореволюционные города, как говорили иностранцы, «наполовину застроены, наполовину засеяны», но это не стоит рассматривать как нечто недостойное. Это нечто специфическое, нечто уникальное — и весьма ценное. Между тем сегодня районы индивидуального жилищного строительства складываются стихийно; огромные средства и усилия вкладывают люди в это пространство, получая довольно низкое качество. Повышение качества этих домов, этой застройки, признание ее фактом (то есть признание факта субурбанизации), попытки города договориться с областью — вот тот путь, по которому нам необходимо двигаться дальше. Именно в этом пространстве решается судьба больших городов, именно здесь формируется другой образ жизни, гораздо более совершенный. Именно здесь возникает тот тип дома, ответственность за который несет хозяин. Именно это заставляет его быть гражданином, именно это формирует семьи, именно это оказывает влияние на качество жизни и производительность труда.

С 1970-х годов в застройке российских городов преобладает классический панельный дом. Но я хотел бы напомнить, что это изначально *социальное* жилье, которое раздавалось бесплатно. В Германии, где этот тип дома возник, от него уже давно отказались. У нас же он почему-то превращен в жилье для среднего класса. Социальная квартира стала прототипом коммерческого жилья, которое продается за деньги. Что из этого вытекает? Во-первых, такое жилье чрезвычайно затратно, прежде всего по сравнению с индивидуальным жилищным строительством, по стоимости производства: по трудозатратам, затратам материала и т.д. Во-вторых, оно чрезвычайно затратно в эксплуатации. В-третьих, оно совершенно не способствует формированию соседских

сообществ, потому что невозможно объединить людей, собранных в таком множестве совершенно случайно. В-четвертых, это жилье, которое не связано с землей. Мы считаем, что срок жизнедеятельности такого дома — сто лет, хотя застройщик никогда не признает это при покупке. За эти сто лет капитализация дома, естественно, будет падать. Люди, которые получают в наследство такие квартиры, будут иметь быстро декапитализируемое имущество; а те, кто придет сюда в третьем поколении, будут думать только о том, как поскорее уехать. И они действительно уезжают, а на их место приходит кто-то другой, как правило — мигранты. Что происходит дальше, догадаться нетрудно: возникновение гетто со всеми вытекающими последствиями. Проблема в том, что мы даже не пытаемся проанализировать этот процесс, понять, что же будет с такими домами через сто лет. Пятиэтажные дома, которые мы ликвидировали по всей стране, и прежде всего в Москве, было легко сносить, потому что на их месте мы возводили 14- и 20-этажные здания. Здесь решался и социальный вопрос, поскольку мы могли расселить проживавших в снесенных домах; кроме того, люди имели возможность получить некую прибыль. Однако в будущем поступить подобным образом не получится.

С этой проблемой связано еще одно обстоятельство. Как меняется в результате всех этих процессов объем жилого фонда? Никто не пытается это выяснить с необходимой точностью. Но похоже, что всем нашим лихорадочным строительством мы едва покрываем вывод ветхих квадратных метров, а фонд в целом продолжает балансировать на грани износа.

Между тем существует альтернативное решение проблемы. В таких странах, как Южная Африка, Аргентина, Чили и Перу, в отличие от нашей страны, не коммерческое жилье строится по образцу социального, а наоборот. И это жилье малоэтажное. Такая политика формирования жилого фонда — инструмент социальной коррекции, способ вернуть в социум малоимущие семьи и семьи с детьми, склонными к девиации, интегрировать их. Уход за домом и придомовой территорией формирует особый, ответственный тип поведения. Здесь возникает соседский коллектив, а следовательно — и общественный контроль, который позволяет ограничить такие явления, как пьянство, распространение наркотиков и т.д. Мы должны прекратить возведение жилья, которое провоцирует асоциальный тип поведения. К чему приводит нежелание решать данную проблему, видно на примере нью-йоркских «проджектов», где скапливается мусор, где сразу же срывают почтовые ящики, чтобы не получать повестки, и т.д.

В чем же, наконец, принципиальное отличие концепции собственного дома от того, что имеем мы? Индивидуальный дом все чаще и чаще становится местом приложения труда. Я ни в коем случае не выступаю за тотальную замену одного типа другим. Я лишь говорю о том, что жилье должно быть: 1) адресным, 2) разнообразным, 3) ориентированным на различный образ жизни, на различные интересы, источники

дохода. Оно не должно быть столь однотипным, как в нашей стране, при том что сам доминирующий тип сложился в абсолютно иных условиях и обстоятельствах, не вполне соответствующих глубинным основаниям отечественной культуры.

Тут надо сказать несколько общих слов о политике. Существует тип сознания, унаследованный нами из прошлых времен. Это утопическое сознание. Мы все время верим в то, что имеется какой-то простой и доступный способ сделать всех и сразу счастливыми. К примеру, приезжает в Москву гость из Нидерландов и говорит: «Вам просто необходимо делать велосипедные дорожки, взгляните на наш нидерландский опыт». Обычный наш ответ звучит так: «Действительно, вот чего нам не хватает для того, чтобы стать Нидерландами»... Поразительно, до какой степени мы в своей наивности верим в это. Создание велосипедных дорожек — дело хорошее, но при этом мы должны думать о том, как они впишутся в транспортную сеть, о ливневке, о первых этажах прилегающих домов, иными словами, обо всем, что сопровождает эту культуру пешеходной жизни. В основе ее лежит малый бизнес. В связи с этим я все время вспоминаю китайские города. Я ездил в Китай порядка 15 лет подряд и застал момент, когда «поднимали» нищие северные города. Что меня поразило в китайском опыте: как только Дэн Сяопин дал указание развивать малый бизнес, все первые этажи мгновенно превратились в нечто весьма впечатляющее — лавочки, ресторанчики, магазинчики... Сформировался особый пешеходный мир, источником которого была древняя китайская традиция, связанная с особой ролью уличной жизни.

В этом смысле сталинская архитектура представляется мне довольно странной. Она была монументальной, она была качественной, каждая ее деталь была продумана и взвешена. Но обсуждение каждого карниза превращалось в бурную полемику, в то время как уличная жизнь как будто и не подразумевалась. Я не являюсь принципиальным противником такого подхода, но нам нужно отчетливо понимать, что, наряду с этими мерами, которые, конечно, преобразуют лицо города, делают его гораздо дружелюбнее, существуют и другие проблемы.

На первом месте все-таки стоит то, что называется комплексным жильем — место проживания плюс необходимая инфраструктура, обеспечивающая удовлетворение потребностей в образовании, здравоохранении и социальном обеспечении. Об этом мы иногда забываем. Мои коллеги из Нидерландов, Австралии, Швейцарии говорили мне с упреком, что в нашей социальной политике есть серьезный дисбаланс: огромное внимание уделяется инфраструктуре, связанной с обеспечением потребностей детей и подростков (детские сады, начальные и средние школы), но мы совершенно не думаем о создании благоприятных условий для стариков. А они, между прочим, нуждаются в точно таком же внимании, как и те, кто только приходит в эту жизнь. На Западе это серьезная индустрия. Для обеспечения ее функционирования существуют пенсионные фонды, средства которых во многом направлены именно на

то, чтобы создавать комфортные условия, формировать необходимую инфраструктуру. И рабочие места.

Кстати, о рабочих местах. Создание современных рабочих мест — цель, сформулированная президентом. И речь здесь должна идти не только об информационных технологиях и банковском бизнесе. Настала пора избавиться от представления, что можно, не прилагая усилий, получать немислимую прибыль буквально «из воздуха». Наш основной ресурс — пространства, на которых мы должны сеять и пахать, на которых мы добываем газ и нефть. И их надо обустраивать, а не просто эксплуатировать.

Следующий приоритет — это коммуникации и транспортная система, о которых сегодня уже было сказано достаточно много. Гораздо сложнее обстоит дело с жилищно-коммунальным хозяйством. Здесь мы недалеко ушли от советских времен. Мы продолжаем строить гигантские заводы по производству тепла и электроэнергии, не обращая внимания на то, что во всем цивилизованном мире наступила эпоха «зеленых» технологий, локальных сетей, автономных домов. Но переход к подобной модели опять же предполагает индивидуальное жилищное строительство. Прогнозы относительно развития альтернативных источников энергии выглядят довольно оптимистично: с каждым годом мы будем получать все более дешевые тепловые насосы, все более эффективно работающие фотопанели, которые можно будет установить даже на северной стороне дома. Своими глазами я видел фотопанели, которые питают северные дома зимой. Говорят, они дают до 1 кВт энергии. Через два года они будут давать 5 кВт, через 10 лет — 25 кВт на индивидуальный дом.

Сюда же примыкает тема экологии. Это проблемы, которые у всех на слуху: глобальное потепление, загрязнение воздуха, нехватка воды. В этом смысле Россия — богатейшая страна, потому что по запасам пресной воды и древесины как возобновляемых источников мы не имеем себе равных. И когда я слышу разговоры о том, что наши пространства только препятствуют эффективному развитию, я прихожу в недоумение. Ведь это тот фундамент, на котором мы можем построить новую экономику, базирующуюся на совершенно иных принципах. Мы же в сфере «зеленого» строительства отстаем от остального мира на 15—20 лет. Это касается прежде всего энергопотребления и теплопотерь. Несколько лет назад по всему миру прокатилась волна «зеленых возмущений», и люди добились своей цели: были приняты новые законы как на межгосударственном, так и на национальном уровне, которые ограничили выбросы в атмосферу. В Швейцарии дело дошло до того, что было полностью запрещено кондиционирование как таковое. Это не регресс, это стимул к поиску новых технологических решений.

Наконец, я не могу не сказать о том, что наше будущее во многом зависит от поощрения и развития тех позитивных практик, которые уже реализуются в регионах России. Опыт Москвы здесь, бесспорно, уникален,

поскольку обусловлен размером бюджета, который на душу населения примерно в 5—7 раз выше среднего по стране. Но иногда изобилие ослабляет. Гораздо более примечательно, когда в условиях весьма ограниченных возможностей и скромного бюджета города предпринимают действительно эффективные меры по созданию благоприятных условий для проживания. Именно так происходит, например, в Белгородской области, где усилиями губернатора был сделан акцент на индивидуальном жилищном строительстве. В результате в Белгороде из каждой точки города видно небо. А видеть небо — это вообще очень важно. Дети, которые видят небо, растут оптимистами. Здесь можно вспомнить и Красноярск, где жители при поддержке мэра отстояли острова по Енисею и превратили их в прекрасные парки. Это один из немногих городов, эмоциональный центр которого находится где-то на «Столбах» в центре Енисея, и это впечатляет. И, конечно же, 130-й квартал Иркутска. Я был поражен качеством отдельных домов, которые сохранились на улицах Тюмени, это огромная ваша заслуга. Но Иркутск пошел чуть дальше: там из разрозненных осколков эти дома сложились в некую целостность. И даже наиболее состоятельные люди неожиданно осознали преимущества проживания в таком месте и стали селиться в этих домах. Произошла некая переориентация в ценностной системе координат. Очень жаль, что этот опыт пока не был распространен на другие территории.

**Генеральный
директор Института
территориального
планирования
«Град»
А.Н.Береговских**

Я буду говорить о современном состоянии пространственной государственной политики в Тюмени и Тюменской области. Наш институт уже более 10 лет работает здесь. Пространственная политика направлена на реализацию приоритетов социально-экономического развития, призвана обеспечить согласованность действий органов управления на государственном, федеральном, региональном и местном уровнях. Это первая задача. Вторая — формирование привлекательного инвестиционного климата. Потому что без привлечения частных инвестиций реализовать комплексный политический проект просто невозможно. Только в результате согласованных действий органов государственной власти и частных инвесторов мы можем добиться создания благоприятной среды. Сегодня мы находимся в поисках инструментов более правильного, согласованного развития территорий Тюменской области и Тюмени. Однако градостроительство — это предмет совместного ведения Российской Федерации и субъекта Российской Федерации. И я могу сказать, что Тюменская область сегодня в данном отношении куда более продвинута, чем федеральный законодатель.

Ключ, который определяет количественные показатели обеспеченности объектами конкретной инфраструктуры регионального и местного значения, — это нормативы градостроительного проектирования (здравоохранение, образование, жилищно-коммунальная сфера и т.д.) И именно регион определяет необходимое количество этих

благ и обеспечивает к ним доступ. Сегодня в Тюменской области есть сбалансированная схема территориального планирования. В первую очередь речь идет о проектах планировки и межевания территорий. Вряд ли в России существует хоть еще один большой город, который был бы полностью покрыт проектами планировки, где имеется тщательно разработанная с учетом всех правил землепользования и застройки сеть «красных линий». Проекты планировки формируют границы транспортно-планировочного каркаса и регулируют градостроительные и земельно-имущественные отношения. Правила землепользования в границах «красных линий» устанавливают особые территориальные зоны. Наконец, существует и двухуровневая информационная система обеспечения градостроительной деятельности, которая связывает государственную региональную политику с политикой местных муниципальных образований.

Казалось бы, мы располагаем всеми необходимыми инструментами. Но можем ли мы с уверенностью говорить о том, что жители Тюменской области полностью удовлетворены? Разумеется, нет. Идеальной ситуации не бывает. Поэтому я хотела бы выделить пять основных направлений дальнейшего развития градостроительной политики.

1. *Социализация пространственной политики.* Хотелось бы идти в этом направлении еще более целенаправленно, потому что политика не может быть реализована без поддержки гражданского общества, без участия ответственных граждан.
2. *Ликвидация межведомственной разобщенности.* Это серьезная проблема для всей нашей большой страны. Вместо реализации генеральных планов законодатель определил сегодня три комплексные программы развития инфраструктур: транспортной, инженерной и социальной. Сегодня мы разрабатываем программу развития транспортной инфраструктуры в Тюмени. А необходимо создать единый комплексный инструментальный план развития всех этих структур, объединив его еще и с инвестиционной программой, — одно не может функционировать без другого.
3. *Развитие государственно-муниципального сотрудничества.* Наш пример — бесшовный документ территориального планирования. Сегодня уже создан взаимосогласованный генеральный план Тюмени и границ Тюменского района в единой системе требований.
4. *Поиск новых инструментов развития.* До 1 июля будущего года в правила землепользования и застройки должны быть внесены изменения — в составе ПЗЗ должны быть определены неэффективно используемые территории. Над этим мы уже работаем.
5. *Отладка полноценной информационно-аналитической системы управления развитием территории.* Такая система должна объединить действия всех департаментов и управлений.

**Директор
ООО «Мастерская
архитектора
Табанакова»
А.В.Табанак**

Тема эстетики города не проста. Что красиво, что безобразно — ответ всегда зависит от субъективной позиции. Тем не менее я хотел бы обратить внимание на вещи, игнорировать которые мы не можем. Наш город активно строится и благоустраивается. Гостям, которые приезжают сюда, нравится облик этого города, они находят тут что-то свое. Это не может не радовать. Оценивать качество городской среды, как показывает международный опыт, можно различными способами — а они основаны на различных трактовках самого понятия «городская среда». В 2013 г. Минрегионом России был разработан документ «Методика оценки качества городской среды проживания». Среди индексов, которые отражают основные параметры качества городской среды, в нем значатся: динамика численности населения, доступность жилья, экологическая ситуация, инженерная и социальная инфраструктура и многое другое (всего 13 позиций). Однако там нет ни слова о том, что жилье должно быть не только доступным, но и красивым. Неужели этот вопрос не является принципиальным? Достаточно ли ровному строю серых, белых или даже красных коробок под названием «многоквартирные дома» иметь рядом школу и детсад, пару магазинов и парковочные места неподалеку, чтобы городская среда могла именоваться качественной?

Зачастую строящиеся сегодня дома лишены собственного лица, хоть какой-то привлекательности. Иногда они откровенно некрасивы. Странно, но это не отталкивает горожан. Квартиры на окраинах в абсолютно безликих зданиях скупаются как горячие пирожки, иногда еще на подготовительном этапе. Задумываются ли покупатели об эстетике своего будущего жилища? Не только о внутреннем убранстве квартиры, но и о внешнем виде дома? Разумеется, да. Вот только хороших предложений среди новостроек пока мало. Такие предложения, конечно, есть, но подобных домов немного, да и квартиры в них стоят других денег. Получается, что по-настоящему красивые и эстетически приятные глазу дома недоступны среднестатистическому россиянину.

Раньше многим архитекторам казалось, что для того, чтобы создать «зеленый город», достаточно поселить людей в как можно более высоких домах — с тем, чтобы освободить побольше земли под парки и сады. Поскольку для высоких домов, как выяснилось, нужно очень много обслуживающих учреждений, то построенные на таких принципах урбанизированные зоны не смогли стать не то что зелеными, но и просто комфортными для проживания. Сегодня среди городских девелоперов идет соревнование: каким образом выделить ту или иную застройку? Активно используется цвет, иногда до ряби в глазах, но никакие цветы и бабочки, намалеванные на фасадах, не заменят природного окружения. Сейчас становится все более очевидно, что будущее городов связано с прямо противоположной тенденцией, а именно с малоэтажной экологичной застройкой. В большинстве европейских столиц, особенно скандинавских, малоэтажная застройка является наиболее востребованной потребителем, а потому и коммерчески выгодной. У нас в последнее время таунхаусы, а также малоэтажная (в 3—4 этажа)

застройка тоже становятся более популярными, но, к сожалению, пока подобных проектов крайне мало, да и немногие зоны подходят для такой застройки. А ведь нельзя забывать о том, что жилой район — это не только то место, где мы спим, так же как городской центр — не только площадка для работы; это еще и социокультурный феномен, облик которого напрямую влияет на сознание и психологию тех, кто в нем живет.

Вместе с качеством жизни необходимо улучшать и ее эстетическую составляющую. Пока что эта мысль для наших застройщиков неочевидна. Городской дизайн достаточно молод, но поле деятельности здесь огромное. Усилиями строителей предыдущих поколений построены большие города, жилые массивы, мощные автомагистрали, скверы и бульвары. Настало время обживать это пространство с помощью художественных средств. Программа целевой реабилитации городской среды — известная в мире практика, позволяющая качественно повысить средовой комфорт.

Многое в нашем городском окружении зависит, казалось бы, от мелочей: функционального зонирования малых городских пространств (дворов, скверов, пешеходных и велосипедных зон), размещения остановок общественного транспорта, наружной рекламы, городской мебели, малых архитектурных форм. Так называемые мелочи приближают горожанина к городу, делая взаимоотношения жителя и городского пространства более дружественными. Они настолько срастаются с нашим восприятием городской среды, мы так быстро к ним привыкаем, что появление каждого нового элемента воспринимается как премьера, долго нас радующая, а затем становящаяся неотъемлемой частью городского интерьера. Надо сказать, что в Тюмени активно благоустраиваются жилые дворы, появляются скверы и бульвары, места отдыха и спорта. Но зачастую это делается чисто технически, без какой-либо проектной идеи. Другая проблема — когда небольшие городские пространства перенасыщаются деталями и формами, вызывая у наблюдателя эстетический и культурный диссонанс. Слишком хорошо тоже может быть плохо.

В национальных рейтингах Тюмень из года в год занимает лидирующие позиции по вводу в эксплуатацию жилья, благоустройству территорий, качеству жизни в целом. Тем более необходимо консолидированное участие профессионалов-архитекторов, дизайнеров, специалистов по ландшафту в формировании городской эстетики.

Резюмируя, я хотел бы отметить необходимость на общегосударственном уровне повышать требования, предъявляемые к новому строительству, — не только по качеству, но и по эстетике. В качестве инструмента я предлагаю коррекцию региональных нормативов, а также обязательную защиту крупных проектов на градостроительных советах. Необходимо вовлекать в законодательные процедуры институт главных архитекторов, архитектурные советы при администрации. Необходимо использовать площадки общественных слушаний

для публичной защиты проектов и просветительской деятельности в области архитектуры. Конечно, важным моментом является обратная связь с горожанами, их активное участие в формировании будущего облика городов.

**Исполнительный
директор
компании
«Брусника-
Тюмень»
А.С.Щиголь**

Сегодня уже много говорилось о тех проблемах, которые достались нам в наследство от советского периода и которые связаны с преобладанием высотных зданий. Альтернативой такому подходу является квартальная застройка. Сегодня эта тема очень популярна, она активно используется урбанистами. Но она, конечно же, не нова. Квартальная застройка имела место и в дореволюционной России, и вот сегодня, по прошествии многих лет, мы снова об этом говорим. Мы видим, что такой способ освоения территории, когда в качестве элемента градостроительства берется квартал, — один из оптимальных. Квартал — это здание, которое имеет замкнутый контур и ограничено четырьмя улицами. Он разделяется на две жилые зоны: общественную и частную. По периметру квартала или на подземном уровне можно расположить парковочные места; дворовая же территория целиком становится пространством совместного досуга жителей. Внутри квартала существует особое приватное пространство: во дворе не должно быть шумно, там нет машин и есть простор для людей. Двор — это место отдыха, он способствует тому, чтобы люди общались друг с другом.

С внешней стороны квартала должна быть расположена общественная зона, отведенная под street retail и пешеходные улицы. Последние являются буферной зоной между дорогой и фасадом здания. При формировании квартальной застройки также необходимо учитывать пропорции и габариты квартала. Оптимальный квартал имеет прямоугольную форму, длина его не более 80 м, ширина — не более 30 м. В такой обстановке человек чувствует себя органично. Оптимальная высота застройки, на наш взгляд, — от 5 до 16 этажей. При этом во избежание эффекта «бетонного колодца» этажность обязательно должна быть переменной. Еще раз повторю: только когда это пространство соразмерно человеку и дает ему ощущение психологического комфорта, он относится к нему как к своему. В микрорайонной застройке такого эффекта не возникает. Житель квартала может не бояться выйти вечером во двор, может отпустить ребенка погулять, там нет никаких темных закоулков. Серьезное различие между кварталом и микрорайонной застройкой существует и в организации сети улиц. В микрорайонной застройке сеть более разветвлена и хаотична; в квартальной застройке она проходит по периметру квартала, задавая определенную логику и структуру.

Теперь мне хотелось бы поделиться несколькими соображениями, исходящими из практического опыта. Мало просто построить хороший дом. Надо, чтобы девелопер понимал свою роль в дальнейшей жизни этого проекта. В частности, нежилые помещения, идущие по

периметру квартала, должны использоваться по назначению. Если это помещение заранее проектировалось под аптеку или ресторан, необходимо, чтобы там появились именно аптека или ресторан, а не три салона красоты или пивные заведения. Для этого нужно контролировать продажи нежилых помещений. Также важно поддерживать в надлежащем виде фасады зданий, следить за уборкой дворовых территорий. Далее, необходимо обеспечивать функционирование и чистоту межквартальных проездов, для чего требуется налаженная коммуникация с муниципальными властями.

Еще я хочу остановиться на принципах добрососедства, которые должны формироваться в жилой застройке. Конечно, все уже научились продавать квартиры. Но не все понимают, что девелопер должен и далее поддерживать контакт с клиентами. Я говорю о таких вещах, как создание определенного контента для жителей, администрирование сезонной досуговой программы, включающей летние и зимние праздники, День города, масленицу, Новый год, День знаний и т.д.

Таким образом, квартальная застройка возвращает нас в естественную канву городской и уличной жизни. Такая среда позволяет человеку эффективно коммуницировать со своим окружением. Жители воспринимают закрытую облагороженную территорию как свою собственную, и двор становится основой для добрососедства и благополучного проживания. Все это делает жизнь в микрорайоне полноценной и насыщенной.

**Свободный
микрофон**

С.И.Каспэ: Пользуясь служебным положением, первый вопрос я задам сам, и он будет отчасти провокационным. Конечно, Андрей Владимирович очень мало видел Тюмень (мы прилетели вчера вечером). Он видел город только из окна автомобиля. Но острый взгляд профессионала все равно замечает многое. Как мы знаем, первое впечатление — самое сильное, а нередко и самое правильное. Я видел, что Андрей Владимирович пристально смотрит в вышеупомянутое окно, и, в свою очередь, пристально наблюдал за ним. И несколько раз на его лице появлялось восхищение увиденным, а несколько раз — изумление и даже неприятие. Я просил бы Андрея Владимировича коротко сказать, что именно вызывало эти его чувства.

Архитектор В.А.Саулюк: Не могли бы Вы назвать критерии отличия города от поселения?

Президент Ассоциации российско-германского сотрудничества Т.А.Леонгард: Андрей Владимирович, как Вы относитесь к тому факту, что в нашем городе нет главного архитектора? И второй вопрос — о реабилитации и рекультивации промышленных зон и территорий, об их приспособлении под новые задачи. «Продвинутая» молодежь нашего города очень нуждается в таких пространствах,

чтобы созидать, чтобы развиваться, воплощать свои креативные идеи. Надо ли двигаться в этом направлении?

Архитектор И. Миннуллин: Каково Ваше отношение к блокированному жилью? Можно ли рассматривать его в качестве альтернативы многоквартирным домам?

Независимый эксперт Л.С. Березин: Тема, которую мы затронули сегодня, чрезвычайно интересна и очень важна для Тюмени. Однако есть то, что меня в постановке вопроса насторожило. Это объединение двух терминов — «пространственное» и «территориальное». На мой взгляд, это очень рискованная комбинация, потому что понятие пространства плохо конвертируется в понятие территории. «Пространство» — термин, используемый архитекторами, «территория» — преимущественно экономгеографами. Сейчас, к сожалению, традиции экономико-географического подхода к расселению утрачены полностью.

Теперь о Тюмени. Меня очень удивляет, что никто из содокладчиков не коснулся проблем, которые являются, на мой взгляд, принципиальными для стратегического развития нашего города.

1. *Неконтролируемый рост территории при стабильном уровне численности населения.* Среди негативных последствий — удлинение коммуникаций, расходов на их содержание и т.д.
2. *Наличие разрезающих город коммуникаций* (река Тура и Транссиб), которые ставят под сомнение любые попытки организации сетевой структуры городского пространства и городской среды.
3. *Чрезвычайно плотная застройка*, в особенности центральных районов, где показатель застроенности составляет 93%. В советские времена существовал строгий норматив — 70%, а в лучших городах данный показатель не превышал 50%. Такая плотность застройки ведет к сокращению пространства для озеленения.

В эти три вопроса упирается вся тюменская урбанистика. Хотелось бы услышать на них ответы.

Директор по развитию Инженерной группы компаний «72 Меридиан» Т.И. Ермакова: Предпринимается ли сегодня что-либо для развития в Тюмени и Тюменской области альтернативной энергетики? Существует ли какая-то программа ее поддержки?

Генеральный директор управляющей компании «Тюмень-Дорцентр» А.Д. Логачев: Учитываются ли особенности эксплуатации многоквартирных жилых домов комплексной застройки на стадии проектирования?

Журналист Е.Ю. Бабенко: Андрей Владимирович, как Вы относитесь к типовому проектированию и строительству? Имеют ли

архитекторы в своем распоряжении какие-то творческие методы для придания типовым проектам индивидуальных черт?

Президент Союза строителей Тюменской области И.А.Спирidonov: Андрей Владимирович, что на сегодня сделано (Минстроем и правительством РФ) для выполнения принятого в мае 2016 г. решения Госсовета о повышении статуса архитектора?

Доцент Тюменского государственного университета О.Ю.Вавер: У меня вопрос к Владимиру Владимировичу. Ядром Тюмени является исторический центр. Однако за его пределами Тюмень ничем не отличается от других городов. Планируется ли развитие бренда города, придание ему собственного лица? И еще один вопрос: почему у нас в центре, где существует ограничение на этажность постройки (не более пяти этажей), недавно появилось скандальное десятиэтажное здание?

Доцент Тюменского индустриального университета А.Н.Коркишко: В настоящий момент в Тюмени построено очень много так называемого социального жилья. Возможно, даже слишком много. Не стоит ли поставить вопрос об ограничении этажности на уровне четырех-пяти этажей и строить, таким образом, с ориентацией на нужды среднего класса?

А.В.Боков

Благодарю Вас, уважаемые коллеги, за замечательные вопросы. Вначале я попробую прокомментировать три доклада, которые были представлены.

Анна Николаевна, я хотел бы поблагодарить Вас за очень содержательный текст. Немногие регионы нашего отечества в состоянии предъявить столь серьезную работу. Но, к глубокому сожалению, Ваш опыт известен очень немногим. Научитесь наконец быть известными и популярными. Это значит, что Вы должны осваивать иную стилистику поведения. В качестве примера могу привести институт «Стрелка». Понять, о чем они говорят, весьма и весьма трудно, но при этом они у всех на слуху. Я призываю Вас научиться выстраивать диалог с теми людьми, для которых Вы все это делаете. Урбанисты, напомню, начинали с того, что старались внятно и доходчиво предъявлять требования различных сообществ, как больших, так и малых. Они выступали от лица тех, кто не понимает язык, на котором мы с Вами говорим. Следующий шаг — осуществите доступную презентацию Ваших проектов планировки, содержания ПЗЗ. Постарайтесь доказать инвесторам, что нет сегодня нужды строить 16 этажей, что они могут получить хороший доход и при использовании иных форм заполнения пространства. Необходимо показать им, что смена стратегии в их же интересах. Потому что следование старым моделям прежде всего угрожает благополучию инвесторов. К примеру, треть жилья в Московской области уже стоит и не продается. И эта ситуация будет только усугубляться.

Теперь о докладе Андрея Владимировича Табанакова. Я хочу напомнить, что тема открытых пространств в известной степени является результатом «болезни» наших городов. «Болезни», которая стала следствием свободной планировки, отсутствия собственности на землю и т.д. Произошло искажение национального сознания. Земля, которая всегда была для российского человека предметом чрезвычайно ценным, перестала быть таковой, причем как в городе, так и за его пределами. Нас отделили от нашей земли. Для многих людей это почти физическое, глубоко личное переживание. В результате дома больше не связаны с землей, а земля не связана с домами. Пространство между ними стало бесхозным, никому не нужным, всеобщим и ничейным. Это привело к тому безобразию, которое мы имеем, и оно будет продолжаться до тех пор, пока мы не выстроим систему ответственности за каждый квадратный метр городской территории, ответственности, которую должен нести владелец или тот, кому это поручено. В Европе и США каждый застройщик ответствен за часть города, прилегающую к его дому. В США времен Кеннеди с началом процесса джентрификации городов, когда белые стали возвращаться в центр из своих роскошных пригородов, был принят закон, в соответствии с которым тот, кто возводит дом, обязан благоустроить прилегающую к нему территорию. Город принадлежит всем, он не может не принадлежать никому, как в нашей стране. Ваш внутренний двор — это дело вашего сообщества. Если этого сообщества нет, возникает отчуждение, а следовательно, становится трудно сделать благоустройство территории частью городской культуры. Конечно, это благоустройство может начинаться с расширения тротуаров, с ликвидации луж в дворовых пространствах, но оно не может ограничиваться только этим. Мы должны создавать действительно обжитые и естественные пространства. В Санкт-Петербурге чудом уцелела городская культура, поэтому там нет проблемы открытых пространств. Там каждый дом несет ответственность за свою улицу и свой двор — по крайней мере, на устоявшихся участках города. Проблема, о которой я говорю, существует лишь там, где реализована пресловутая свободная планировка, где нет ответственности за каждый квадратный метр земли.

Меня задела тема кварталов, которой был посвящен третий доклад. Ведь это снова отчасти возвращение к советской стилистике, советскому сознанию. Мы не решим наших проблем с помощью кварталов, тем более таких, которые сейчас строятся повсюду, этаких коробочек без крыши. Во-первых, квартальная модель может быть реализована лишь в достаточно узком пространстве между высокоплотной центральной частью и тем, что называется пригородом, — в так называемом срединном поясе. Во-вторых, в этой дискуссии о том, что первично, двор или улица, никаких противоречий нет. Первична улица, первично общее пространство, в котором заинтересован гораздо больший круг людей, чем тот, который складывается вокруг двора. Город начинался с улицы, а не с квартала. Те кварталы, которые

мы строим, — очередная имитация, очередной путь в никуда. Говоря о недостатках микрорайона, мы должны помнить, для чего и в связи с чем он возник. В сфере градостроительства он стал величайшим достижением после укрупненных сталинских кварталов. Например, в центре микрорайона всегда помещается школа, что обеспечивает безопасность пути маленьких детей до места обучения. Этот принцип отделения транспорта от пешехода — один из великих принципов градостроительства, который был сформулирован еще в XIX в. Отказ от него означает шаг назад.

Другой важный фактор — физический размер постройки. Если мы ведем речь о полноценной социальной жизни, о социальном контроле, мы должны понимать, что эти вопросы напрямую зависят от численности населения. И существует ее критический уровень. Важно принимать во внимание и форму собственности — находится ли жилье в частной собственности проживающего, или он его арендует. В последнем случае сообщества жильцов не возникают, в них нет нужды: население быстро меняется, ответственность за придомовую территорию несет владелец. Собственник ведет себя иначе. Здесь уже можно выстраивать соседство, несущее ответственность за все прилегающее хозяйство. Наконец, напомним вам про первые этажи. И тут примечателен опыт Тамбова, где вся инфраструктура социокультурного быта была рассчитана по нормативам и реализована на первых этажах. Первые этажи становятся полноценным пространством, формирующим не только городскую улицу, но и образ жизни жильцов.

Что такое микрорайон? На основе микрорайона строилась жилая зона большого индустриального города. Такой город состоял из промышленной зоны, жилой зоны и центра между ними. Если же мы ориентируемся на возведение кварталов вместо микрорайонной застройки, мы способствуем гомогенизации городского пространства: жилая зона, собирающаяся из кварталов, будет возникать вокруг завода. В итоге мы получаем не разноплановый город с отведенными под определенные виды деятельности пространствами, а еще более безликую территорию. Это движение назад.

Теперь я отвечу на конкретные вопросы, которые были заданы. Первое, что поражает в Тюмени, — это сибирское барокко, его сохранность, то, что эти здания не подавлены высокими домами вокруг. Сами дома — это настоящие palazzo. Когда мы приезжаем в Венецию, мы восхищаемся их palazzo. Но купеческие дома в Тюмени не хуже по качеству архитектуры! Они олицетворяют ту культуру, которую нужно ценить и на основе которой нужно двигаться дальше. Я не ретроград, я лишь говорю о том, что традиция, в рамках которой подобная архитектура естественным образом возникала, была насильственно прервана. Мы должны снова обратить на нее внимание или, по крайней мере, подумать о том, как бы развивался город в рамках такой альтернативы. Кстати, тогда мы точно не пришли бы к квартальной застройке. У города могла бы сложиться совершенно другая ткань. Что еще

вызывает восхищение? Как и во многих российских городах, то, что сквозь эту городскую ткань проступают природа, ландшафт, рельеф. И пока здания подчеркивают этот природный компонент, город живет, здравствует и радуется нас.

Теперь вопрос об отличии города от поселения. Поселение — это универсальная характеристика. Сельские поселения, отдельные усадьбы тоже являются поселениями. Город есть специфический тип поселения, который урбанисты считают идеальным, с чем я не вполне согласен. Они ведут речь об определенном типе западного города с системой улиц, кварталов, зонирования и т.д. Российские города сложнее, их ткань выглядит принципиально иначе. Морфология российского города и российского пространства должна быть предметом отдельного изучения и особого внимания.

Об отсутствии фигуры главного архитектора. Нам часто приводят в пример европейские и американские города, где такой фигуры действительно нет. Но в нашей стране сложилась другая традиция. Это человек (и институт), который является проводником идей, заложенных в ПЗЗ и генеральном плане. Это человек, который должен примирять интересы всех участников процесса формирования города. Он должен быть подконтролен своему сообществу, которое должно обладать правом отзывать его в случае очевидных нарушений и которое само может состоять лишь из высокопрофессиональных специалистов. Наша профессия — это не профессия наемных рабочих, у нее принципиально иная природа. Мы люди социально ответственные, деньги для нас вторичны. В этом отношении мы похожи на кадровых военных, а не на наемников, которые работают на кого угодно. Мы похожи также на врачей, которые прежде всего несут ответственность за жизнь пациента, а потом уже думают о своем благополучии. Мы похожи на адвокатов, которые отстаивают правду и закон. Мы принадлежим к этой компании. И главный архитектор должен быть в этом отношении эталонной персоной.

Был задан вопрос о блокированном жилье. Знаете, англичане говорят: «Мой дом — это когда у меня есть своя дверь». Дверь, которая связывает меня с внешним миром. Это — самое основное. Блокированный дом — это тот тип жилья, который отчасти примиряет естественное желание каждого человека иметь свою собственную дверь, свой собственный выход в большой мир. Он позволяет и даже учит уживаться с соседями, не вступая в конфликты, воспитывает склонность к сотрудничеству. Так что я «за».

Господин Березин, Вы настаиваете на приоритете пространственно-территориального планирования, и это очень распространенная позиция. В какой-то момент, когда появились урбанисты, они стали разводить архитектурное проектирование, которое, по их мнению, должно заниматься исключительно домами, и проектирование городское, которое опирается на иные принципы. Я не против урбанистов как таковых. Но профессии архитектора присущи две уникальные

способности: способность синтетически, целостно видеть мир, в деталях и в обобщениях, и способность оценивать все происходящее, глядя из будущего. Урбанисты всегда делят свой предмет: они говорят об экономическом, демографическом, социальном срезе. Однако им недоступно понимание целостности городского пространства. Для нас, архитекторов, органическое единство, неразрывность дома и города как части и целого есть руководящий принцип. Архитектор — тот, кто в состоянии удержать город от разрыва. Именно отсюда происходят такие понятия, как «среда обитания» и «культурный ландшафт».

Теперь ответу на вопрос о неконтролируемом росте города. Это, конечно, плохо, всякий рост необходимо контролировать и направлять. Нужны ясные принципы и правила, в том числе в отношении стихии индивидуального жилищного строительства.

Что касается разрезающих город коммуникаций, то мир уже давно изобрел технологии превращения границ в связи. В этом нет ничего запредельно сложного. Есть внятные представления, например, о том, как превратить железную дорогу из «шрама» на лице города в нечто эффективное и полезное. Показателен опыт Лондона, где в XIX в. развернулось проектирование «air rights», так называемое воздушное развитие. У нас сегодня этот вопрос даже не поднимается. Мы говорим о более эффективном использовании земель, и только. Вы считаете, что сейчас мы имеем недопустимо высокую плотность застройки центральной части города? Знаете, есть и другая точка зрения. Происходит поляризация между компактным городом и городом «обширным» (broadacre). Это разные среды и пространства. И чем контрастнее они, тем богаче городская среда.

Вопрос о переустройстве промышленных территорий в пространства с иным назначением в последнее время стал общим местом. Так формируются другие типы поведения, отвечающие потребностям современного образа жизни. Я видел много бывших промышленных территорий, переоборудованных в разнообразные технопарки и офисные центры. Это многофункциональные пространства. Их большие пролеты и огромные залы формируют иное, свежее мироощущение. Это выход за пределы, реструктуризация нашего сознания и наших практик. Во многих российских городах подобные проекты реализуются с большим успехом, и я желаю Тюмени того же.

Проблема альтернативной энергетики действительно чрезвычайно актуальна. Мы примерно на 15—20 лет отстали от наиболее передовых в этом плане стран. Очевидно, что нужда в нефти и газе для выработки электроэнергии скоро исчезнет и мы сможем наконец использовать эти ресурсы более рационально.

Теперь о типовом строительстве. Это особая проблема, которая усугубляется тем заблуждением, что индивидуальные проекты якобы дороги. Экономия на проектировании — помутнение сознания. 1 рубль, вложенный в проектирование, оборачивается 10 рублями экономии при строительстве и 100 рублями экономии при эксплуатации. Я знаю,

о чем говорю, я сам создавал, например, типовые поликлиники. Но одно дело — типовое строительство в условиях советской плановой экономики, и совсем иное — в условиях рыночных. В 1960—1970-е годы стоимость возведения типового сооружения была фиксированной на всем протяжении от Калининграда до Камчатки. Сегодня под каждый «повторно применяемый проект» подрядчик все равно создает свой «рабочий проект», стоимость которого рассчитывается исходя из множества самых разных факторов. Гарантии того, что этот проект окажется дешевым в реализации, нет, зато есть практически 100-процентная вероятность, что реализован он будет плохо. Не говоря уже о том, что еще в 1970-е годы мы стали ориентироваться на иные принципы, развернув производство блоков и типовых узлов для того, чтобы люди могли сами собирать что-то более человеческое, чем тот кошмар, который мы строили 30 лет подряд. Забудем о типовом проектировании.

Был задан очень хороший вопрос о статусе главного архитектора. Это одна из немногих вещей, которых удалось добиться от Госсовета. Я тронут тем, что об этом говорит именно председатель Союза строителей. Главный архитектор должен быть квалифицированным специалистом. Но то, что происходит сегодня, — это как бы превращение высоких чиновников в как бы архитекторов. Я надеюсь, что ситуация постепенно начнет выправляться. Тогда будет повышаться качество и основных документов (генерального плана, ПЗЗ, проектов планировок), и локальной нормативной базы.

Да, еще был поднят вопрос о зеленых насаждениях в центральной части города. Лично я убежден, что зелень — это лучший инструмент для достижения высоких темпов капитализации построек. Наглядным примером является Нью-Йорк, где в середине XIX в. городское сообщество приняло решение снести трущобы, занимавшие огромную территорию, и построить на этом месте парк — знаменитый Central park. Это гигантское незастроенное пространство не где-нибудь, а в центре Манхэттена, представляете? В результате капитализация недвижимости, находящейся в непосредственной близости от него, мгновенно выросла в 7—8 раз. И продолжает расти с каждым годом.

Ну и последний вопрос — об ограничении этажности. Мы вообще любим все ограничивать. Но изобретать ничего не требуется, поскольку существует такой документ, как ПЗЗ. Необходимо просто добиваться исполнения закрепленных там положений. Те, кто закрывает на эти нормы глаза, наносят ущерб всему окружению. Капитализация домов просто падает. Если хотя бы раз тот, чья собственность в результате их нарушения потеряла в цене (например, когда вместо прекрасного вида на реку человек получил сомнительное удовольствие созерцать окна соседнего дома), подал бы в суд и этот суд, руководствуясь здравым смыслом и заключениями экспертов, признал, что квартира потеряла в капитализации, скажем, 70%, и обязал бы застройщика возместить ущерб, ситуация начала бы исправляться.

В.В.Якушев

Как-то так получается, что на «Губернаторских чтениях» мне раз за разом достается очень специфическая роль. С одной стороны, мы с вами осуществляем этот проект для того, чтобы как-то отвлечься от текущих дел, расширить наши горизонты, пометать — а потом мне приходится немного всех приземлить, рассказав, как все происходит на самом деле. Поэтому, коллеги, я все-таки начну с самого главного. Давайте обратимся к Конституции Российской Федерации и вспомним, что там написано: «Российская Федерация — социальное государство». Сегодня прозвучала реплика: «Давайте прекратим строить жилье эконом-класса, давайте ориентироваться на нужды средних слоев». Не будем. Мы будем строить для всех. И город будет служить всем слоям населения, независимо от того, к какой страте эти люди относятся и какой недостаток они имеют. Потому что, когда мы говорим о городской среде, мы с вами не должны забывать о государственных программах, в рамках которых, например, реализуются проекты, направленные на обеспечение жильем детей-сирот. У нас, к нашему стыду, очень много таких детей, и мы взяли на себя обязательство предоставить им жилье — а как же иначе? Разумеется, мы не можем дать им жилье выше уровня эконом-класса, равно как и выселить их куда-то за пределы города. Поэтому если мы начинаем говорить о том, что нам необходимо бросить все силы на индивидуальное жилищное строительство, то мы должны быть готовы взять на себя дополнительные обязательства в качестве налогоплательщиков и ввести дополнительный сбор на программу переселения всех детей-сирот в таунхаусы. Кто из присутствующих в зале готов жертвовать на это свои деньги, прошу поднять руки. Что, никто? Поэтому давайте рассуждать об этих вещах более прагматично. У нас существует, например, еще и такая программа, как переселение из ветхого и аварийного жилья. Мы знаем, что люди, которые проживают в подобных домах, имеют недостаток ниже среднего. И переселить их мы сможем опять-таки только в жилье эконом-класса, а никак не в трехэтажные дома за пределами города.

Поделюсь еще несколькими мыслями. Прежде всего я хотел бы напомнить историю эволюции градостроительной политики в Тюменской области, да и в России. Я не буду говорить о периоде до 1990-х годов. Я могу только сказать, что градостроительная политика 1990-х — начала 2000-х характеризуется одним словом: отсутствие. У нас ее попросту не было. Вместе с тем именно в это время у нас появилась частная собственность. Мы прекрасно знаем, что муниципальные земли можно было покупать с аукциона, а до этого была масса возможностей получить землю под застройку практически бесплатно. Это был период первоначально накопления капитала у большого количества людей — многие из них, кстати, присутствуют в этом зале. Потом появился рынок, связанный с куплей-продажей прав на такие участки. Ситуация совершенно не регулировалась ввиду отсутствия нормативной базы, градостроительного кодекса. И естественно, что все люди, которые бесплатно получили эти участки, стремились выжать из них все, что только возможно. Поэтому

строили так, как хотели и как умели, ни у кого ничего не спрашивая. Градостроительный кодекс появился у нас лишь в 2005 г. Я прекрасно это помню, потому что в то время был главой города. Однако появление этого документа не могло немедленно исправить ситуацию, так как его еще нужно было грамотно прочитать. Ведь там появилось много новелл, под которые требовалось разработать дополнительные нормативные акты. Поэтому практически каждая вторая, если не больше, статья этого документа не работала, носила сугубо декларативный характер. Для того чтобы какая-то статья действительно заработала, требовался временной лаг в два года. Между тем застройка продолжалась. И у нас как представителей муниципальной власти на тот момент не было ничего, кроме административного ресурса (а мы все прекрасно знаем, что это такое и как он включается), чтобы остановить точечную застройку. Мы пытались как-то управлять процессом, но делать это системно было просто невозможно. Так что давайте исходить из тех исторических реалий, которые нам достались и из которых нам нужно найти выход, поскольку все мы хотим, чтобы наш город хорошел и процветал. Сегодня многие из тех, кто тогда принимал активное участие как в распределении земельных участков, так и в их застройке, выступают в качестве неких экспертов, критикующих современное положение дел. Ну-ну...

Но появилась другая напасть, с которой мы тоже усиленно боролись и которую так до сих пор и не победили, — обманутые дольщики. И дом построен не там, где надо, и документов никаких нет, но есть люди, с которых собрали деньги. В результате издается нормативный документ, на основании которого каждый регион обязан решить эту проблему. И теперь мы вынуждены бросить все силы на решение этого вопроса (потому что государство у нас социальное!), опять-таки в ущерб градостроительной политике. Дома, которые уже были начаты, нам пришлось достраивать, несмотря на то что заложены они были с нарушениями законодательства. А таких домов было очень много. В 2012 г. мы отчитались о решении данной проблемы. К сожалению, сегодняшние экономические условия опять породили массу людей, которые выходят с плакатами к зданию правительства либо мэрии и требуют от нас помощи. Это при том, что перед нами стоит масса других задач, которые необходимо решать: медицина, образование, дорожно-транспортная инфраструктура и т.д. Специальной строки в бюджете под обманутых дольщиков у нас нет. Теоретически люди сами должны отвечать за свои коммерческие риски. А практически выходит по-другому.

В 2010 г. мы наконец ликвидировали точечную застройку в городе, причем не на словах, а на деле. Далеко не каждая областная столица в РФ сегодня может этим похвастаться. После этого мы смогли всерьез заняться дефицитом парковочных мест. Он составлял 30 тыс. единиц — о каком благоустроенном городе в таком случае вообще можно говорить? Сегодня в любом освобождающемся месте, где сносится ветхий фонд, у нас тут же появляются красивые, благоустроенные парковки.

Так мы пытаемся решить ту проблему, к возникновению которой мы с вами (я и с себя ответственности не снимаю) оказались причастны.

Отвечу и на вопрос о рассечении города транспортными коммуникациями. В Тюмени это обширный дорожный каркас, железная дорога и река. Как очень правильно сегодня заметил Андрей Владимирович, с точки зрения архитектуры инженерное решение можно найти. Однако дело упирается в то, что модификация дорожного каркаса и улучшение городской коммуникативной сети требуют колоссальных денежных средств, огромных бюджетных инвестиций. Сегодня минимальная развязка стоит 2 млрд рублей. Стоимость более серьезных сооружений может доходить до 10 млрд. Изначально мы планировали в течение трех лет в основном закончить весь дорожный каркас и решить таким образом дорожную проблему в Тюмени. Но совсем недавно на общегосударственном уровне было принято решение, что налог на прибыль будет теперь уходить в так называемый общий фонд, из которого регионы затем будут получать деньги. Я на 99,9% уверен, что обратно мы ничего не получим, поскольку бюджетная обеспеченность нашего региона и так высока. Между тем именно эти деньги мы планировали вложить в развитие нашей транспортной инфраструктуры. Впрочем, мы не унываем. Одну транспортную развязку мы уже практически закончили, сейчас мобилизуем ресурсы для того, чтобы начать строительство новой. Нам необходимо также, несмотря ни на что, завершить окружную дорогу. Поэтому оригинальные технические решения — это хорошо, но мы должны понимать, что каждое такое решение имеет свою цену.

Чем более благоустроенным становится наш город, тем больше средств мы тратим на его содержание. Каждый новый сквер, каждое новое сооружение, связанное с благоустройством, требует дополнительных ресурсов и дополнительной строки в бюджете. Это нужно понимать. Но мы с вами, уважаемые, просто не готовы платить за эти блага. Когда заходит речь о платных парковках в центре города, мы сразу сталкиваемся с таким отношением к ситуации. Если сегодня мэр вынесет на городской референдум вопрос о введении дополнительного муниципального сбора на содержание новых скверов, жители однозначно дадут отрицательный ответ. Благоустройство и красота нашего города требуют очень больших затрат. Наконец, в качестве примера нам постоянно приводят чужой опыт, будь то Европа, Северная или Латинская Америка. Но, дорогие коллеги, мы же находимся в Сибири. Уже в силу этого мы вынуждены нести совершенно другие затраты на благоустройство городов, на сооружение коммуникаций и их обслуживание.

Теперь о главном архитекторе и 10-этажном здании в центре города. Главного архитектора в Тюмени не стало именно после появления этой десятиэтажки. Поэтому он и был уволен. В его отсутствие, конечно, нет ничего хорошего. Однако я хотел бы отметить, что второй год подряд под моим патронажем проходит очень интересный конкурс под

названием «Архитектурный образ России». Он проводится пять лет — и уже два года под патронажем губернатора Тюменской области. 31 октября мы будем официально подводить итоги. Среди участников много креативных молодых ребят, в том числе из нашей большой Тюменской области — из Нефтеюганска, Ханты-Мансийска и ряда других городов. Довольно привлекательной мне кажется идея образования некоего бюро, в которое могли бы войти эти молодые ребята и которое могло бы быть организовано с опорой на опыт Москвы, упомянутого института «Стрелка». Мы обязательно опубликуем работы участников конкурса в средствах массовой информации, и я призываю всех неравнодушных ознакомиться с их креативными решениями.

В завершение я хотел бы сказать, что Тюмень не зря занимает первые места в разнообразных рейтингах и является одним из самых благоустроенных городов России. В рамках имеющихся у нас возможностей, избегая долгов, не строя воздушных замков, мы аккуратно, с пониманием и на перспективу приводим наш город в тот вид, которому должен соответствовать город XXI в. К сожалению, не без ошибок и не столь быстрыми темпами, как хотелось бы. Но я убежден, что тот путь, по которому мы в данный момент следуем, намечен абсолютно верно. И мы достигнем поставленной цели, если каждый из нас примет в этом деле посильное участие в качестве добропорядочного горожанина. И тогда мы имеем шанс стать самым благоустроенным городом не только в Российской Федерации, но и далеко за ее пределами.